

Д. Б. ТЕРЕШКИНА

(Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в г. Великий Новгород, г. Великий Новгород, Россия)

УДК 821.161.1-32(Харченко В.)

ББК Ш33(2Рос=Рус)63-8.44

«КЛЦО» В. ХАРЧЕНКО: РАССКАЗ О СОВРЕМЕННЫХ ПРАВЕДНИКАХ И ДРЕВНЕРУССКАЯ ЖИТИЙНАЯ ПОВЕСТЬ

Аннотация. В статье предлагается интерпретация рассказа В. Харченко «Клцо» в русле многовековой традиции христианского жития святых праведников. Поэтизация повседневности, скрытая за личиной игры с читателем и ослабленным сюжетом, проявляется в актуализации агиографических топосов смирения, испытания болезнью, противостояния искушению, христианской любви, чуда, таинства. «Минейный код» рассказа поддержан символикой имен героев, «житийным» абстрагированным временем (при явно выраженном историческом фоне повествования), аллюзиями к житиям Петра и Февронии Муромских, Пимена многоболезненного. Мотив чуда реализуется в обычных жизненных ситуациях, но не теряет своего религиозного (сверхъестественного) значения. Церковное Таинство венчания супругов после долгой совместной жизни становится актом предстояния перед Богом в близкий к смерти час и приобретает исключительное значение. Кольцевая композиция рассказа, вторящая его названию, сама становится символом транспозиции изображаемого в плоскость агиографического дискурса, а житийная традиция выступает в качестве продолжающейся развиваться продуктивной художественной системы.

Ключевые слова: житие; агиографические топосы; чудо; праведничество; философия повседневности.

«Клцо (Рассказ из рассказов)» В. Харченко, опубликованный в журнале «Октябрь» в №8 за 2009 г. [Харченко 2009], является одним из наиболее удачных в творчестве современного писателя.

Героями рассказа являются супруги, прожившие в браке шестьдесят лет и решившиеся обвенчаться после того, как одного из них (Клавдию Ивановну) разбивает инсульт. В рассказ входит 11 частей с самостоятельными заглавиями: «Инсульт», «Внук Игорь», «Соседка Машка», «Участковый врач Симбирцев», «Старая обувь», «Дмитрий», «Железная дорога», «Дом», «Лена», «Ксения», «Венчание».

В подзаголовке сделано указание на жанровую разновидность (авторское самоопределение) произведения. В отличие от цикла [Нестерова 2012], «рассказ из рассказов» представляет собой повествование об эпизодах жизни, не отмеченной исключительными событиями,

обычной семейной пары. Сюжетного материала словно хватило лишь на один рассказ о двух героях из числа «маленьких людей», а главной художественной стратегией автор избирает коммуникацию с читателем, слушателем обычных жизненных историй – как в целом это отмечается по отношению к прозе В. Харченко. «Истории Харченко – все-таки истории об искусстве рассказывания историй» [Костюков 2007].

Ослабленность сюжета произведений В. Харченко уже отмечалась исследователями [Костюков 2007]. В рассказе «Клцо» центральным событием становится венчание престарелых супругов, все остальное служит лишь фоном, а «сюжеты», избранные для отдельных частей, сложно даже назвать таковыми – это лишь незначительные эпизоды из жизни героев или их близких, детали, в той или иной мере раскрывающие характер главных персонажей. Установка автора намеренно рассказывать о вещах малозначительных удивительна лишь на первый взгляд. Природа прозы, словно выросшей из записей электронного дневника и блогосферы как особой коммуникативной среды, еще нуждается в своем изучении, но именно в ней с особой силой проявляется эстетика и философия повседневности, реабилитируемой в последнее время в качестве предмета, самоценного для познания и описания. Ничего «особого» не происходит в частях рассказа «Дом» (сообщается о переезде героев в город, поближе к детям, и о продаже дома), «Лена» (о пересохшей протоке напротив дома, в которой Петр Сергеевич с дочкой Леной некогда ловили ротанов), «Внук Игорь» (о боязливом внуке героев, несколько часов ходившем за хлебом, испугавшемся стада и просидевшем в лесу до вечера), «Ксения» (о давней подруге Клавдии Ивановны говорится в одной строке: ей принадлежит фраза, обращенная к парализованной: «Какая ты, Клава, счастливая»),... Эффект «обманутого ожидания», когда в первой строке каждой части создается видимая интрига, которая «ничем не заканчивается», становится излюбленным приемом В. Харченко. При этом никакая игра с читателем у автора, видимо, в планы не входит. Напротив, он словно надеется на вдумчивого, внимательного читателя, испытывающего удовольствие – так же, как и повествователь, – от самого акта повествования, а далее – от самой жизни, которая и есть главное человеческое удовольствие. «Харченко находит общий корень прозы и эссеистики – интонационный зачин. И развивает его именно как зачин. Чтобы ухватить эффект, представьте себе, что вам звонит симпатичный и бодрый знакомый и говорит: “Старичок, ну-ка быстро объясни мне вот такую штуку...” Или: “Слушай, что я тебе сейчас расскажу...” Ничего, по существу, не сказано ни в первом, ни во втором случае, но мы с вами на этом конце провода уже чуть-чуть взбодрились. Т.е. какой-то

квант энергии возник практически ниоткуда» [Костюков 2007]. Добавим: важной становится не только эмоциональная сопричастность происходящему в пространстве произведения, но и важная для идеи рассказа (и всего творчества В. Харченко в целом) мысль о том, что истинный характер героев раскрывается не в исключительных событиях, в которых человек всегда «выше» и «больше» самого себя, а в привычной обстановке, каждодневной жизни, для других порой не интересной.

Именно в связи со всем сказанным выше считаем важным сделать акцент на той характеристике творчества В. Харченко, которая мало подразумевается вследствие своей неочевидности. Речь идет о житийной традиции, актуализирующейся прежде всего в тексте «рассказа из рассказов» «Клцо».

Повесть о житии двух праведников – Петра и Февронии – является первой и очевидной параллелью к рассказу о двух мирянах двадцать первого века. Не случайно (даже при возможной случайности) тезоименитство героев-мужчин (Петр). Символика имен в рассказе представляет особую систему и образует так называемый «минейный код», о котором нам приходилось в свое время писать [Терешкина 2015] и который составляет один из «объясняющих контекстов» [Зырянов 2017: 132] русской литературы. Петр – ‘камень, скала’, – не слишком реализующий семантику имени в древнерусской повести, именно таким является для парализованной Клавдии в рассказе «Клцо». Феврония – “благomyслящая, радостная” – таковой была в «Повести о житии», а Клавдия (“хромая”), словно «оправдывая» свое имя, обезножела после инсульта. И если в древнерусской повести Феврония, мудрая дева из фольклорных источников, ведет своего мужа к духовному восхождению вплоть до смерти, то в рассказе «Клцо» «поводырем» супруги становится Петр – как в телесном, физическом смысле, так и в духовном: именно он инициатор венчания с женой Клавдией на склоне лет, основным поводом к которому стала забота Петра о «будущей жизни» Клавдии, рисковавшей «умереть во грехе», как сказала ее подруга Ксения.

Испытание болезнью становится проверкой для обоих супругов и для их детей и внуков. Болезни во всем их многообразии и степени проявления упоминаются в русской житийной литературе, становясь топосом, изображающим искушение человека и обретение им исцеления (если совершается чудо) и веры в Бога как подавшего это чудо. Сама история Петра и Февронии начинается с чуда исцеления мудрой девою князя, который был ей завещан как будущий супруг. Эта – видимая – часть легенды воспринимается как главное чудо, произошед-

шее в совместной судьбе житийных героев. Однако это лишь условие, выполнив которое, Петр и Феврония (не без лукавства со стороны князя) становятся супругами. Главная их борьба происходит всю жизнь – и это сражение не с телесным недугом, а с душевным. Настоящая христианская любовь, пережившая все соблазны Петра как «сильного мира сего», взявшего в жены дочь бортника, нападки окружающих и внутренние сомнения, привела супругов к чуду единения в смертный час, дающемуся лишь избранным Господом. Любовь Петра к Клавдии, простая, ничем не выдающаяся, не отмеченная чудесами, но вместе с тем по-настоящему христианская, становится отрадой, оплотом и спасением в конце их долгой совместной жизни.

Испытание расслаблением дано не только Клавдии, пережившей инсульт, но и Петру, взявшему на себя все заботы о беспомощной жене. Еще один житийный текст возникает как аллюзия к истории современных праведников. Под 7 августа (по ст.ст.) в «Книге житий» Дмитрия Ростовского читается «Житие преподобнаго отца нашего Пимена многоболезненнаго» [Жития святых 1764: л. 438 об. – 440 об.]. Пимен, постриженник Киевского Печерского монастыря (XI в.), от рождения был расслабленным (парализованным). Упросив родителей отпустить его в монастырь, Пимен терпел в обители пренебрежение братии, из брезгливости и по малости милосердия и любви не всегда оказывавшей самые необходимые услуги беспомощному больному. Тяжелые душевные страдания, которые во сто крат превышали физические муки, принудили Пимена в сердцах говорить забывшему его монаху: «Не вѣси ли, яко равну мзду имѣти будутъ боляи и служай тому; терпѣние бо убогихъ не погибнетъ до конца» [Жития святых 1764: л. 439 об.]. Почил Пимен в святости, оставив свое брненное больное тело и в одиночестве уйдя к Богу. Петр и Клавдия сподобились явить по отношению друг другу истинную христианскую любовь до глубокой старости и в тяжелой болезни Клавдии, сделавшей ее беспомощной и слабоумной, – и в этом благодать Божья была к ним большей, чем к печерскому подвижнику. Петр, нисколько не смущаясь и не сомневаясь, взял на себя весь груз хлопот в уходе за больной Клавдией – точно так же, как сделала бы она, впади он в тяжелый недуг. Петр научился готовить, делать все домашние дела, помогать Клавдии справлять все физиологические потребности. И послушанием это невозможно назвать (ибо как послушание и не мыслилось Петром Сергеевичем), а только любовью, долготерпеливой, всепрощающей, не возносящейся, не раздражающей, не ищущей своего – и далее по Апостолу.

В этой Божественной любви сохранилась заветная любовь человеческая. Как-то позвали Петра Сергеевича и его подругу детства со-

седку Марию Антоновну на встречу со школьниками. Шли они после этой встречи вместе вечером, шутили друг над другом, что забыл Петр в разговоре с учениками отчество Машкино, потому что звал ее Машкой всю жизнь. «... Петр Сергеевич взял ее под ручку и говорит: “Вот видишь, Мария Антоновна, как мы с тобой чуть не обмишурились”. А Машка спрашивает: “Ну что, Клавка так до сих пор в коляске?” – “В коляске”, – отвечает Петр Сергеевич, а сам ручку-то выдернул» [Харченко 2009: 146]. Сокровенная, давняя любовь к Клавдии, за резкое слово о которой обиделся в глубине души Петр, словно подтверждает христианскому заповедь об отвращении от греха не то что деланием – помышлением.

Несмотря на то, что «религиозно-житийный» подтекст в рассказе тщательно скрыт, место чуду в нем нашлось. И не единожды явленному. Таков эпизод с врачом Симбирцевым, поначалу не предрекавшим Клавдии ничего хорошего и после первых явных признаков ее возвращения к осмысленной жизни сходящим в церковь и сказавшим: «Поражаюсь силе духа человеческого» [Харченко 2009: 147]. Таково «чудо» с сыном Дмитрием, не сумевшим прилететь из Москвы по зову Петра Сергеевича, заявившего, что «мать умирает».

«А старший сын не может. У него совещание. Пишет по Интернету, что мама не умрет, не верю.

– Да как ты не веришь. Вот и врач Симбирцев подтверждает.

– Не умрет мама и заговорит.

Тут Петр Сергеевич на сына так обиделся, что, когда он через три недели в Хабаровск прилетел, даже в аэропорт за ним на “шестерке” не поехал. Добирался Дима сам на такси. Вошел старший сын в дом, наклонился над постелью:

– Здравствуй, мама.

Та глаза открыла, заулыбалась правой стороной и сказала впервые за месяц молчания:

– Дм, Дм, рднй!» [Харченко 2009: 147]

Косноязычие героини, пережившей инсульт и тяжело после него восстанавливающейся, является важной деталью в тексте. Ударную позицию рассказа – его название – занимает слово «кольцо», сказанное парализованной Клавдией в момент венчания с Петром. Читатель, воспринимая слово «кльцо» без особого труда (слова русского языка, как языка консонантного типа, в большинстве случаев опознаются без гласных), изначально помещается в атмосферу некоторой аномалии, сквозь призму которой и видит все изображаемое. В сведенной судорогой речи Клавдии видны ее физические муки, о которых почти не

упоминается в повествовании. Фрагментарность «рассказа из рассказов» словно передает выборочное видение мира больной героиней – равно как и предметов, лиц и явлений этой картины мира, которые уже не кажутся случайными или малозначительными. Даже старая обувь, которую всю жизнь собирала Клавдия и которую – восемь мешков – в ее отсутствие Петр закопал в огороде, а обувь стала «прорасти» наружу то сапогом, то туфелькой или детской пинеткой, напоминая Клавдии о прожитых годах и истоптанных дорожках, – даже эта «сюрреалистическая» картина становится важной: «хромомогаля» в конце жизни Клавдия (уже не семантикой имени, а физическим телом) прощалась с тем, что представлялось ей когда-то важным и что стало абсолютно ненужным, лишь отсылая к прошлому, ей, как земному человеку, дорогому.

Время становится в рассказе не только обозначением исторического фона повествования (постоянны упоминания о современных нам реалиях, о послевоенном времени и недавно прошедших событиях – перестройке, умиравших колхозах и т.д.), но и особым модусом восприятия совершающегося. Абстрагированное житейное время реализовано в рассказе в части «Внук Игорь» (время словно застывает в ожидании Петром Сергеевичем внука, ушедшего за хлебом, и тут же говорится об Игоре, уже выросшем и звонящем деду справиться, как чувствует себя бабушка), в просьбах Клавдии сделать то, что можно было бы осуществить лет двадцать назад (наловить рыбы в протоке, давно пересохшей), в словно длящейся по сию пору игре деда с маленьким внуком (Петр «взял Игоря на руки и стал тенькать. Тень-тень-тень. Тень-тень-тень» [Харченко 2009: 145]) и т.д. Упоминание четких временных границ и даже точного времени (внук Игорь «пришел домой лишь в восемнадцать ноль-ноль» [Харченко 2009: 145]) на фоне бесконечных мгновений и отсутствии времени ввиду его непринципиальности, несомненно, является своего рода игрой с читателем. Однако подобное смешение временных пластов согласуется с еще древнерусской идеей о вечном характере святости; в культуре Нового времени освященными стали восприниматься не только герои – избранники Божьи, но само человеческое существование, сама жизнь, если она осмысленна и стремится быть добродетельной.

Стремление человека к добродетели, усиливающееся в периоды испытаний, а также в преддверии смерти – одна из важнейших традиций русской литературы и в целом жизни, не только в религиозном контексте. Тем более значимым оказывается факт позднего осознанного венчания двух пожилых супругов, проживших вместе шесть десятков лет, большая часть которых пришлась на антирелигиозную совет-

скую эпоху. Не проявлявшие особой приверженности Церкви Петр и Клавдия предстают перед Богом в глубокой старости в важнейший момент своего духовного соединения.

«В субботу утром Петя прикатил коляску с Клавой к церкви. Он нарядил жену в белое платье, которое она себе сшила еще до перестройки, а сам надел тройку. Вместе с ними пришли дети и внуки. Вся процессия расположилась в храме. Отец Викентий начал обручение. Освященные кольца надел Петру Сергеевичу и Клавдии Ивановне. Потом продолжил обрядом венчания. Задавал вопросы Петру и Клаве. Вместо матери отвечала дочь Елена. “Свободно ли вступает в брак Клавдия Ивановна?” “Не связана ли она обещаниями с другими?” Дети возложили венцы. Иерей троекратно благословил молодоженов. Зачли Апостолов и Евангелие, вознесли Молитву Господню. Петр и Клава трижды обошли аналой. Точнее, Петр вез инвалидную коляску Клавы. Все пили из чаши вино и очень радовались. Петру Сергеевичу очень хотелось, чтобы Клавдия Ивановна понимала, что с ней происходит. В конце концов Петр решил, что Клава все понимает. Она два раза поднимала правую руку и бормотала: “Клцо, клцо”» [Харченко 2009: 149].

Весь эпизод «Венчание» словно изложен по православному «Типикону», но жизнь, вносящая свои коррективы в чин венчания, придает церковному обряду индивидуальное, всегда единичное и торжественное, переживание совершаемого как таинства. Чувство радости Господней и причащения Телу и Крови Христовой объединило всю семью, во главе с Петром Сергеевичем и вокруг утратившей силы матери, которая, как ребенок, радовалась тому, чего до того у нее не было всю жизнь, повторяла то, что могла выговорить, и тем не менее понимала важность события.

Кольцевая композиция в рассказе, скрепленная одноименным символом, стала и объединяющим началом «случайных» «дружеских баек» в виде «рассказа из рассказов», и знаком цельной художественной системы произведения, совмещающего пласты разных смыслов, и самой по себе символом венца, осеняющего престарелых героев и выводящего их в небесные сферы.

ЛИТЕРАТУРА

Зырянов О. В. Сознание русской классической литературы в свете культурно-философских детерминант национального мира // Церковь. Богословие. История : Материалы V Международной научно-богословской конференции, посвященной Собору новомучеников и

исповедников Церкви Русской. Екатеринбург : Екатеринбургская духовная семинария, 2017. С. 127–132.

Книга житий святых [Дмитрия Ростовского]. Июнь – август. М., 1764. 564 с.

Костюков Л. Попытка синтеза // Русский журнал. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/Kniga-nedeli/Popytka-sinteza> (дата обращения: 01.11.2017).

Нестерова С. В. Циклическое текстопостроение в малой эпической прозе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2012. 22 с.

Терешикина Д. Б. «Четы-Минеи» и русская словесность Нового времени. Великий Новгород : НовГУ, 2015. 332 с.

Харченко В. Короткие рассказы // Октябрь. 2009. № 8. С. 141–149. Также: URL: <http://magazines.russ.ru/october/2009/8/ha7.html> (дата обращения: 01.11.2017).

REFERENCES

Zyryanov O. V. Soznanie russkoy klassicheskoy literatury v svete kul'turno-filosofskikh determinant natsional'nogo mira // Tserkov'. Bogoslovie. Istoriya : Materialy V Mezhdunarodnoy nauchno-bogoslovskoy konferentsii, posvyashchennoy Soboru novomuchenikov i ispovednikov Tserkvi Russkoy. Ekaterinburg: Ekaterinburgskaya du-khovnaya seminariya, 2017. S. 127–132.

Книга zhitiy svyatykh [Dmitriya Rostovskogo]. Iyun' – avgust. M., 1764. 564 s.

Kostyukov L. Popytka sinteza // Russkiy zhurnal. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/Kniga-nedeli/Popytka-sinteza> (data ob-rashcheniya: 01.11.2017).

Nesterova S. V. Tsiklichesкое tekstopostroenie v maloy epicheskoy proze: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.08. Tver', 2012. 22 s.

Tereshkina D. B. «Chet'i-Minei» i russkaya slovesnost' Novogo vremeni. Velikiy Novgorod : NovGU, 2015. 332 s.

Kharchenko V. Korotkie rassказы // Oktyabr'. 2009. № 8. S. 141–149. Takzhe: URL: <http://magazines.russ.ru/october/2009/8/ha7.html> (data ob-rashcheniya: 01.11.2017).